

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ им. Т. Г. ШЕВЧЕНКО

На правах рукописи

Николенко Ольга Николаевна

**Жанр антиутопии
в русской литературе
XX века**

10.01.02 — Русская литература

Автореферат

диссертации на соискание научной степени
доктора филологических наук

О. Николенко

Киев — 1996

70 373
Диссертация является рукопись.

Работа выполнена в секторе мировой литературы Харьковского государственного педагогического университета им. Г.С.Скороды.

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор В.П.КАЗАРИН;
член-корреспондент НАН Украины,
доктор филологических наук,
профессор Н.Е.КРУТИКОВА;
доктор филологических наук,
профессор Г.В.САМОЙЛЕНКО

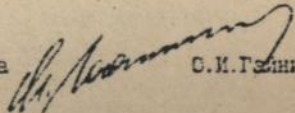
Ведущая организация - Черновицкий государственный университет им. Ю.Федьковича

Защита состоится "30" октября 1996 г. на заседании специализированного ученого совета Д 01.24.01 при Институте литературы им. Т.Г.Шевченко НАН Украины по адресу: Киев, ул. М.Грушевского, 4, 3-й этаж.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института литературы им. Т.Г.Шевченко.

Автореферат разослан "___" _____ 1996 г.

Ученый секретарь
специализированного ученого совета

С.И.Галикчеру

ЛНБ України ім.В.Стефаника

00739447 (Y)

Б ім. В. Стефаника
АН України

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Начало XX века принесло миру великую веру в возможность осуществления коммунистических идеалов и создания общества, в котором человек может стать свободным и счастливым. Октябрьская революция происходила под знаком идей о всеобщем равенстве и братстве, однако прошло немного времени и мыслящие люди увидели, что мечты о советском рае при их практическом воплощении превращаются в свою противоположность и оборачиваются несбывшимися надеждами, потерянными жизнями. Созданная в Советском Союзе общественная система, просуществовавшая почти три четверти века, несмотря на временные экономические взлеты ценой огромного напряжения духовных и физических сил народа, в конечном счете затормозила развитие страны и привела к национальной трагедии.

В переходные моменты истории литература всегда стремилась проникнуть в глубинную сущность явлений, правдиво запечатлеть состояние человека и общества, раскрыть философию времени и дать свое объяснение миру с позиций нравственности. В течение многих лет официальная наука утверждала, что все деятели советской культуры приняли социализм и стали активными участниками социалистического строительства. Между тем в русской литературе XX века сформировалось довольно мощное оппозиционное направление, разоблачавшее антигуманный характер тоталитарного строя, предсказывавшее крах социалистического эксперимента, призывавшее к возрождению общечеловеческих ценностей. Это направление представляют прежде всего авторы антиутопий.

Русская антиутопия стала своеобразной летописью трагедии XX века, духовным протестом против насилия, а также предупреждением будущему. В рамках этого жанра исследуются принципы организации общественного устройства, осмысливается гуманистическая сущность государственной системы, судьба личности в ней, прогнозируются результаты происходящих социальных процессов. Вот почему представляется очень важным проследить формирование и развитие антиутопии в русской литературе XX века, которая дала яркие образцы этого жанра и оказала влияние на развитие его в мировой литературе.

Изучение антиутопии в бывшем СССР долго задерживалось

идеологическим давлением, цензурными ограничениями, отсутствием опубликованных художественных произведений. Официальная критика отрицательно оценила наследие авторов русских антиутопий, а серьезные научные работы, посвященные творчеству этих писателей, появлялись в советский период крайне редко и, как правило, намного позже написания произведений. Тем не менее необходимо отметить значение тех немногих исследований, в которых, вопреки обстоятельствам, был дан объективный анализ отдельных произведений, сделана попытка определить их роль в историко-литературном процессе (В. Шкловский, А. Воронский, В. Полонский, Л. Шубин, В. Дорофеев, В. Гроссман и др.). Поскольку ограничения на публикацию антиутопий были сняты гораздо позже, центр изучения утопии и антиутопии вплоть до конца 80-х годов находился на Западе.

Зарубежные исследователи внесли большой вклад в разработку проблем жанра русской антиутопии XX века. Широко известны работы Э. Брауна, А. Шейна, С. Лейтон, Дж. Симмонса, Р. Фирчу, Л. Романовски, В. и Р. Сливовски, А. Тески, Г. Гюнтера, Т. Эдвардса, Э. Проффер, К. Райдел, М. Джордан, Э. Харриса и др., в которых рассматривается оппозиционный по отношению к официальной советской литературе характер русских антиутопий, критический пафос произведений, связь жанра антиутопии с идейно-эстетическими исканиями русской литературы XX века. В 60-90-е гг. на Западе появляется целый ряд теоретических работ, посвященных изучению жанровых особенностей утопии и антиутопии. Среди них выделяются исследования Г. Морсона, А. Петруччани, Л. Мэмфорда, М. Ласки, К. Мангейма, Дж. Толкиена, Р. Эймса, Ч. Уолша, Л. Керна, К. Уолтера и др. Вместе с тем вопрос о разграничении утопии и антиутопии в западном литературоведении остается открытым, их жанровые черты вызывают многочисленные споры и различные, порой крайне полярные, точки зрения. Кроме того, в западных исследованиях не всегда должное внимание уделяется поэтике произведений, русская антиутопия интересует Запад больше как факт историко-политического, а не художественного значения, поэтому эстетический аспект подчас приносится в жертву социологическому анализу.

Научное изучение русской антиутопии XX века в русском литературоведении начинается во второй половине 80-х - начале 90-х годов. Возрастают интерес исследователей и читателей к

произведениям Замятина, Платонова, Булгакова, Даниэля, Аксенова, Войновича и др. способствовали начавшиеся процессы демократизации, публикация текстов антиутопий, которые ранее не могли быть напечатаны. Творчество "возвращенных" писателей привлекло к себе большое внимание не только с точки зрения новизны материала, но прежде всего потому, что возникла насущная потребность осмыслить философские идеи выдающихся художников XX века, изучить их наследие в свете целостного подхода, восстановить существующие "пробелы" в изучении русской и мировой литературы.

В настоящее время исследование литературы идет параллельно процессу переосмысления истории, поэтому вполне закономерно появление работ историко-биографического характера, восстанавливающих ранее запрещенные имена авторов русских антиутопий: "Евгений Замятин" Т. Давыдовой (1991), "Мастер" И. Шайтанова (1988), "Андрей Платонов. Очерк жизни и творчества" В. Васильева (1990), "Жизнеописание Михаила Булгакова" М. Чудаковой (1988), "Доктор Булгаков" Ю. Виденского (1991), "Возвращение мастера" В. Петелина (1986), "Михаил Булгаков" В. Воборыкина (1991), "Михаил Булгаков в Художественном театре" А. Смедянского (1986) и др.

Появились также работы, специально посвященные отдельным антиутопиям Замятина, Платонова, Булгакова и др., вокруг которых ведутся широкие дискуссии с момента опубликования этих произведений в России. Следует отметить исследования О. Михайлова, А. Зверева, И. Галинской, Л. Яновской, С. Семеновой, О. Кузьменко, Л. Фоменко, В. Свительского, Н. Малыгиной, Н. Корниенко, Н. Полтавцевой, А. Павловского, В. Лакшина, С. и В. Пискуновых и др., в которых заложены основы объективного и глубокого изучения идейно-эстетической природы русских антиутопий.

Среди исследований об антиутопии в литературе русского зарубежья выделяются работы Б. Ланина, В. Малухина, В. Шохинской и др. В гораздо меньшей степени, чем антиутопия первой половины XX века, изучена русская антиутопия второй половины XX века, подходы к ее осмыслению еще только намечаются. Это в полной мере относится и к современной антиутопии - антиутопии рубежа веков, значение которой в отражении и прогнозировании сегодняшней действительности еще предстоит оценить.

В последнее время внимание многих исследователей привле-

кает проблема типологии жанров утопии и антиутопии (А.Зверев, Ю.Латынина, Ю.Давыдов, В.Новиков, Р.Гальцева, И.Роднянская, О.Сабина и др.). Однако в трактовке отличительных признаков этих жанровых структур существует большой разноряд, что свидетельствует о необходимости дальнейшей разработки жанровых проблем.

Диссертационных работ, посвященных русской утопии и антиутопии, совсем немного. Они появились в основном в 80-90-е годы (С.Гангули, А.Бегалиев, Т.Богданович, О.Кузьменко, С.Васчетникова, О.Сабина и др.) и рассматривают те или иные аспекты творчества писателей или отдельные произведения. Вместе с тем исследований обобщающего характера о развитии жанра антиутопии в русской литературе XX века пока нет.

В этой связи возникла необходимость в системном исследовании антиутопии в русской литературе XX века. Изучение антиутопии как жанра, выявление закономерностей его развития, определение типологических черт и своеобразия их воплощения в творчестве русских писателей XX века даст возможность проследить основные тенденции в развитии жанра, показать взаимосвязи русской и мировой литературы, установить идейно-эстетическое значение антиутопии для осмысления общечеловеческих проблем.

Диссертационную работу можно охарактеризовать как историко-литературное и теоретическое исследование жанра антиутопии в русской литературе XX века с позиций методологии современной литературоведческой науки. Именно в таком аспекте определяется цель исследования, его объект и методологическая основа.

Главной целью исследования является: изучение процесса формирования и развития жанра антиутопии в русской литературе XX века, осмысление идейно-эстетического значения русской антиутопии в соотношении с социальными проблемами века и художественным опытом мировой литературы.

Для достижения данной цели были поставлены следующие конкретные задачи:

- исследовать жанровые особенности утопии и антиутопии, выявить их сходство и различия, раскрыть причинный характер появления и развития данных жанров в русской литературе;

- проанализировать своеобразие авторского мировосприятия и художественного метода в антиутопиях Замятина, Платонова, Вудгакэва, Даниэля, Аксенова, Войновича, Искандера и др.;

- рассмотреть соотношение категорий "комическое" и "трагическое", "фантастическое" и "реалистическое" и раскрыть их функции в русской антиутопии XX века;

- показать взаимовлияние русской и мировой литературы в развитии жанра антиутопии, попытаться на основе исследованного материала определить типологию жанра.

Теоретической и методологической основой диссертационной работы являются научные разработки отечественных и зарубежных теоретиков литературы по проблемам утопии и антиутопии, а также историко-литературные труды, посвященные творчеству отдельных писателей.

Диссертационное исследование основывается на сочетании историко-литературного и категориального подходов. Используются возможности социально-генетического, сравнительно-исторического, историко-функционального методов, а также метода системного анализа.

Объектом исследования являются антиутопии русских писателей XX века: Е.Замятина, А.Платонова, М.Булгакова, Ю.Далекого, В.Аксенова, В.Войновича, Ф.Искандера и др.

Научная новизна диссертации заключается в целостном исследовании особенностей формирования и развития жанра антиутопии в русской литературе XX века. В свете системного подхода изучены антиутопии (в том числе ранее не публиковавшиеся и малоизученные) русских писателей в сопоставлении с западными антиутопиями. Исследованы характерные тенденции в развитии русской антиутопии XX века, а также творческое своеобразие разных художников слова, проявившееся в принципах характерствования, способах отражения человека и общества. Широкомасштабное изучение жанра позволило показать значение опыта русской антиутопии XX века для познания исторических явлений, процессов общественного сознания, а также для развития мировой литературы.

Теоретическое значение диссертации. Проведенное исследование позволило внести существенные уточнения в теорию жанров утопии и антиутопии, по-новому посмотреть на их эволюцию в истории русской литературы, раскрыть некоторые существенные закономерности в опыте мировой литературы и, таким образом, установить необходимые теоретические и методологические ориентиры для дальнейших исследований в этой области.

Практическое значение исследования состоит в том, что его

результаты могут использоваться в курсе преподавания русской и мировой литературы в вузе и школе. Данные, полученные в процессе изучения проблемы и опубликованные в монографии, брошюрах и статьях, помогут объективно и творчески осмыслить наследие писателей, долгое время находившихся под запретом. На основе проведенного исследования автором разработаны методические рекомендации для преподавателей, учителей и студентов, которые нашли применение в учебном процессе вуза и школы. Положения и выводы диссертации могут быть использованы при разработке спецкурсов и спецсеминаров, при подготовке учебных и методических пособий.

Апробация работы. Основные положения диссертации были изложены на всеукраинских и международных практических конференциях: "Актуальные проблемы изучения и преподавания литературы" (Вологда, 1989), "Советская литература второй половины XX века и ее осмысление в критике" (Омск, 1990), "III Гоголевские чтения" (Полтава, 1990), "Макаренковские чтения" (Полтава, 1991, 1993), "Комическое в мировом литературном процессе XX века" (Харьков, 1992), "Шляхи посилення ефективності практичного курсу української мови та виховання читачької майстерності" (Одесса, 1992), "Язык и культура" (Киев, 1994), "Тоголь и мировая культура" (Нежин, 1994) и др. В целом диссертация обсуждалась на заседании сектора мировой литературы Харьковского государственного педагогического университета им. Г.С.Сковороды. По теме диссертационного исследования опубликовано 23 научные работы общим объемом 28 п.л.

Структура диссертации отражает логику научного исследования антиутопии как жанра, а также закономерностей его развития в русской литературе XX века. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Во введении обосновывается выбор темы, ее актуальность и научная новизна, определяются цель и задачи исследования, его методологические основы и методы, раскрывается теоретическая и практическая значимость работы, формулируются основные положения, выносимые на защиту. Здесь же дан обзор литературы вопроса, характеризуется современное состояние изучения жанра рус-

ской антиутопии.

Первая глава "Утопия и антиутопия" состоит из двух разделов. В разделе 1.1 "Теоретические аспекты изучения жанров" анализируются теоретические работы по вопросу жанровой типологии утопии и антиутопии (А.Вритикова, Т.Чернышевой, Ю.Латыниной, В.Новикова, Р.Гальцевой, И.Роднянской, Г.Морсона, А.Петручани, Ф.Полака и др.), освещаются различные точки зрения в толковании жанров, а также дается авторское понимание этих проблем. В научной литературе ощущается недостаток целостной концепции жанров и стремление дать исчерпывающую, единственно верную формулу утопии и антиутопии. Мы полагаем, что большинство литературоведческих понятий - это понятия во многом условные, что не всегда и не обязательно мешает глубокому исследованию литературных процессов. Вместе с тем в работе сделана попытка максимально прояснить вопрос, определить важнейшие черты утопии и антиутопии как литературных жанров.

Корни утопии и антиутопии уходит в глубокую древность. Эти жанры возникают на основе утопического мышления человека, его мечты о счастливой жизни. Долитературные формы утопии и антиутопии обнаруживаются уже в фольклоре, в мифах различного рода.

Как литературные жанры в современном понимании утопия и антиутопия возникают гораздо позже - на определенном историческом этапе, в период формирования государств того или иного типа, когда появляется необходимость осмыслить существующее общественное устройство и дать наиболее оптимальный вариант совершенного мира (Т.Мор, Т.Кампанелла, Дж.Гаррингтон, Т.Гоббс, Дж.Свифт и др.). Таким образом, утопия и антиутопия имеют общность прежде всего в своем генезисе. Они появляются в связи с необходимостью осознания существующего общественного порядка и прогнозирования его в будущем. Утопию и антиутопию роднит также комплекс социально-политических проблем, среди которых такие, как человек и общество, личность и государство, свобода и насилие и др., имеющие философский характер. Писателей волнуют прежде всего вопросы общего порядка: может та или иная система дать человеку возможности для достижения свободы, счастья, созидательного труда, каковы принципы организации этой системы, соответствует ли она гуманистическим идеалам.

Существенной особенностью утопии и антиутопии является

также то, что они средствами искусства моделируют определенный тип государственного устройства. Эта художественная реальность обладает собственной самоценностью, завершенностью, системностью. Утопия и антиутопия как художественные модели ориентированы на исследование социальной системы государственного устройства, на изучение состояния человека и отношений между людьми в тех или иных условиях.

Кроме того, важнейшим признаком утопии и антиутопии является их прогностический характер. Они нацелены на реальность, которую необходимо изменить, указывают (через утверждение или отрицание), как надо проводить эти изменения. Таким образом авторы получают возможность воплотить свой идеал общественного устройства.

Однако утопия и антиутопия различаются целевой установкой, характером заложенных в них конфликтов, соотношением реального и фантастического, своеобразием поэтики. Утопия всегда связана с вымыслом, мифами различного рода, поскольку она выражает мечту, надежду на лучшее будущее. Целью же всякой антиутопии является вскрытие истинных противоречий жизни, освобождение от ложных мифов. Столкновение социального мифа с художественной правдой действительности составляет основу антиутопии. Сатирическая направленность антиутопии по самой своей природе назначена сокрушать идолов, опровергнуть бытующие мифы, а также дать критическое изображение действительности, предстающей в неприукрашенном виде.

В утопии, изображающей идеальное общество, конфликт обычно сосредоточен вокруг того, как сделать окружающий мир еще прекраснее и совершеннее. В антиутопии центральный конфликт составляет столкновение личности и государства.

Классическую утопию характеризуют абстрактность художественной модели идеального общества, установка на результат социального развития, принцип пространственно-временной символичности, повышенная эмоциональность стиля. В отличие от утопии, антиутопия больше связана с действительностью, в изображении которой узнаваемы социальные и хронологические приметы. Мир будущего в антиутопии предстает хуже, чем критикуемый настоящий. Антиутопия показывает картину трагической реальности, апокалиптического бытия, поэтому если утопия представляет собой позитивную модель социальной системы, то антиутопия дает

тотальное отрицание и настоящего, и возможного варианта будущего.

В работе рассматривается связь утопии и антиутопии с фантастикой. По мнению автора реферируемого исследования, утопия - разновидность фантастики, но фантастики особого рода, которая связана с прогнозированием развития общества, поскольку утопия включает в себя ответ не только на вопрос, каким должен быть мир, но и как изменить мир, каковы основы его социального совершенствования. Поэтому утопии представляют собой либо альтернативные настоящему идеальные модели общества, либо показывают перспективы развития тех или иных идей и теорий. Кроме того, специфика утопии в том, что писатель сосредоточен не на фантастическом описании технических изобретений, новейшей цивилизации и т.п., а на изображении общества именно как социальной системы, отвечающей идеалам художника. Что же касается отношений фантастики и антиутопии, то можно сказать, что фантастика составляет основу поэтики антиутопии, но не всякое фантастическое произведение является антиутопией. Фантастика выполняет в антиутопии две важнейшие функции: фантастические ситуации помогают вскрыть несовершенство существующего порядка, а также показать негативные последствия тех или иных общественных процессов. Но антиутопия перестает быть антиутопией вне связи с реальностью и социальной проблематикой.

Исходя из сказанного, утопию можно условно определить как абстрактную модель идеальной социальной системы, соответствующую представлениям писателя о гармонии человека и мира. А антиутопия в самом общем смысле - это критическое изображение государственной системы, противоречащей принципам подлинного гуманизма. В антиутопии выражен протест против насилия, абсурдного социального устройства, бесправного положения личности. Авторы антиутопий, основываясь на анализе реальных общественных процессов, с помощью фантастики пытаются предугадать их развитие в будущем, предупреждая тем самым об опасных последствиях существующего порядка.

Среди исследователей нет единства по поводу определения жанровых разновидностей утопии и антиутопии. Вводится в обиход ряд новых терминов: дистопия, камотопия, эксутопия, практотопия, эупоихия и др. По мнению диссертанта, очень трудно провести границу между той или иной жанровой разновидностью. Уто-

пия и антиутопия довольно многозначны, поэтому пока нецелесообразно говорить об устойчивых жанровых разновидностях утопии и антиутопии, однако дальнейшее развитие литературы может внести свои коррективы и покажет правомерность введения новых терминов.

В разделе 1.2. "Формирование утопии и антиутопии в русской литературе" возникновение рассматриваемых жанров в русской литературе связывается с духовными и историческими исканиями русского общества второй половины XIX - начала XX веков. В русской литературе утопия и антиутопия формируется гораздо позже, чем в западной. До XVIII века существовали лишь народные представления о "праведной земле" и христианская традиция изображения Царства Божьего. "Чаемая благодать будущего" обосновывалась в "едином обществе" Ермолая Еразма, в "общности имущества" Феодосия Косого, в сочинениях Квирина Кульмана, Евфимия и др.

В XIX веке утопические и антиутопические элементы стали составлять уже целые фрагменты, включенные в реалистическое повествование или в фантастическо-приключенческий сюжет ("Ученое путешествие на Медвежий остров" О. Сенковского, "Предки Каллимероса. Александр Филиппович Македонский" А. Вельтмана, "Что делать?" Н. Чернышевского и др.). Делаются также попытки создать целостные произведения в жанре утопии и антиутопии, однако они остались неоконченными и известны лишь в отрывках ("4338-й год" В. Одоевского, "Жизнь через 1000 лет" Г. Данилевского и др.).

Стремительные процессы исторических изменений, размах революционного движения, распространение утопических идей в России обусловили бурное развитие утопии и антиутопии в русской литературе XX века. Ситуация рубежа XIX-XX веков поставила перед художниками две важнейшие проблемы: 1) идейно-эстетическое осознание кризиса в обществе и поиски путей его преодоления; 2) поиски новых форм развития искусства, способных отразить кризисное состояние общества и перспективы его совершенствования. Появление целостных произведений в русле утопии и антиутопии явилось своеобразным разрешением этих проблем на уровне жанра.

Крупнейшие русские философы Н. Бердяев, С. Булгаков, С. Франк, А. Лосев и др. уже в начале столетия предупреждали

об опасности увлечения абстрактным социализмом, об огромной разрушительной энергии, которую приобрело революционное движение. Они призывали вернуться к идее "конкретного идеализма", то есть к конкретному человеку, являющемуся целью и главным смыслом исторического бытия. Идея ценности личности, ее индивидуальной судьбы и духовной реализации становится центральной идеей русской литературы начала XX века.

В работе рассматриваются первые целостные русские утопии, авторы которых прослеживают различные варианты социально-утопических моделей, проверяя конечную их реализацию прежде всего нравственными критериями. Так, В. Брюсов в повести "Республика Южного Креста" (1904-1905) изображает будущее социалистическое общество, где царит дух рационализма, распределительного равенства, где все нормировано до мельчайших подробностей, включая одинаковую одежду и пищу. Жизнь работников в Республике Южного Креста обставлена всевозможными удобствами и даже роскошью, но при этом утрачивается личность как носитель индивидуального, нравственного и творческого начал, что, по мнению автора, свидетельствует о порочности данной общественной системы. Падение "нравственного чувства" приводит к упадку всей Республики Южного Креста. Описание катастрофы, постигшей фантастическое государство, содержит предупреждение современному писателю обществу об опасности внедрения "равенства", которое не учитывает интересы отдельного человека.

Личность является главным критерием общественного устройства и в утопическом романе А. Богданова "Красная звезда" (1908). Автор использует прием путешествия в будущее. Русский революционер Леонид наблюдает социализм на Марсе, а затем вновь возвращается на Землю, где происходит революция. Такая композиция позволяет лучше оценить и реальную действительность, и перспективы ее развития. Фантастика помогает писателю спроецировать исторические тенденции в будущее и дать ответ на вопрос, как может реализоваться социалистическая модель общества. Описывая справедливое и рационально устроенное государство на Марсе, Богданов вместе с тем предвидел намерение идеологов социализма утвердить новый строй ценой большой крови, что находит отражение в высказываниях марсианина Стэрри о насильственном внедрении социализма не только на Земле, но и на других планетах. Во имя спасения человечества Леонид убивает

ет Стэрри, хотя и понимает, что уничтожение даже одной жизни не ведет к социально-духовному возрождению, но человек и общество, по мысли писателя, еще не нашли гуманистических путей совершенствования мира.

Богданов был одним из первых художников-утопистов, кто поставил вопрос о соотношении целей и методов достижения идеала. Если благородная идея и средства ее реализации расходятся, то утопия, как считает автор, может превратиться в страшную антиутопию действительности. Поэтому не случайно последняя часть романа "Красная звезда", где изображается кровавый характер революции уже не на Марсе, а на Земле, проникнута тревожными предчувствиями за настоящее и будущее.

Роман-утопия Богданова "Инженер Мэнни" был написан в 1912 году, после завершения "Красной звезды", но концепцией предваряет ее. В этом произведении показан марсианский мир, в котором наблюдается постепенное движение к социалистическому обществу, описанному в "Красной звезде". Этот мир еще не совершенен, в нем нет законченных форм, но есть стремление изменить его. Писателя волновала мысль о том, как создать такие общественные отношения, при которых было бы достигнуто единство людей как одного слаженного организма и в то же время личность получила бы возможность своей творческой реализации в труде коллектива и индивидуальной деятельности на благо всех. Поэтому центральная проблема романа - это отношения талантливой личности (Мэнни) и коллектива. Но идеи Мэнни и сам он не поняты большинством, герой умирает, а после его смерти марсианский пролетариат идет дальше, к реформированию общественного строя. Художник создавал свой роман за пять лет до Февральской и Октябрьской революций, но он невольно предсказал драматизм борьбы за новое общество в России, когда лозунги коллективизма были подняты самой историей и дали толчок для подавления личности в созданном так называемом социалистическом обществе.

Важно отметить, что Богданов соединил техническую утопию с научными представлениями о коммунизме и идеей социальной революции. Его романы "Красная звезда" и "Инженер Мэнни" открыли ряд аналогичных, хотя и очень разных по художественному уровню, утопий.

Борьба за социализм в начале XX века была поставлена на очередь дня самой историей. В результате победы Октябрьской

революции и пропаганды большевиков миф о социалистическом рае завладел умами миллионов людей. Этим объясняется появление в 1920-1930-е годы целого ряда утопических произведений о коммунизме, об устройстве грядущего мира, о нравственности и морали человека будущего. К их числу можно отнести такие произведения, как "Страна Гонгури" В.Итина (1922), "От непа к социализму. Взгляд в будущее России и Европы" Е.Преображенского (1922), "Грядущий мир" Я.Окунева (1923), "Следующий мир" Е.Зеликовича (1930), "Страна счастливых" Я.Ларри (1931) и др., в которых изображается будущее торжество социализма. Все они были построены примерно по одному принципу: главный герой путешествует по коммунистическому раю и восторгается достижениями революции и научно-технического прогресса. В этих произведениях идеологическая сторона подчас преобладала над художественной. К тому же авторы изображали социализм как уже достигнутый идеал без должной оглядки на реальность. Однако действительность все больше противоречила социалистической утопии, приобретая трагический характер. Жанр антиутопии был вызван острой необходимостью противостоять тоталитарному режиму, отрезвить опьяненную коммунистическими идеями массу, развеять миф о счастливом социалистическом обществе и дать правдивое изображение жизни.

Вторая глава "Социализм и реальность в антиутопии 1900-1950 годов" посвящена анализу антиутопий Замятина, Платонова и Булгакова, которые осознали губительность пути, по которому пошла страна, и в своем творчестве раскрывали острее противоречия между социалистическими идеями и реальной жизнью.

Вторая глава состоит из трех разделов. В разделе 2.1. "Личность и государство в романе Е.Замятина "Мз"" дается целостный анализ произведения на идейно-тематическом, сюжетно-композиционном и стилевом уровнях, что позволяет определить его особенности как антиутопии.

Сам писатель называл "Мз" (1920) "предупреждением с двойной опасностью, грозящей человечеству, гипертрофированной власти машин и гипертрофированной власти государства". Поэтому роман рассматривается в диссертации, с одной стороны, как предупреждение о возможных последствиях технического прогресса, оторвавшегося от нравственного начала, а с другой стороны -

как прогноз исторической драмы отчуждения, предвидение губительного воздействия на человека социальной системы, основанной на насилии. Произведение было направлено против жестоких методов построения социализма, но в результате оно явилось сатирой на всякий тоталитаризм.

В романе можно выделить три основных плана: технический, социально-философский и нравственно-психологический. Технический план основан на художественном воплощении теории Тейлора и пролеткультовских идей техницизма, коллективизма и космизма. Взгляд писателя в будущее переносит читателя в фантастическое Единое Государство, где жители переполнены чувством восторга перед торжеством науки и техники. Внешне здесь все совершенно и целесообразно, жизнь людей посвящена коллективному труду, материально они ни в чем не нуждаются, но за этой картиной хрустального счастья встает абсурдный мир, в котором люди лишены имен и превращены в части громадного механизированного конвейера. Не отрицая значения науки и техники в обществе, Замятин выступает против нивелирования человека, против того, что человек, как считали многие идеологи 20-х годов, должен стать винтиком технократического процесса.

Однако содержание романа гораздо шире технического прогноза, более важным представляется социально-философский аспект: исследование системы государственного устройства, места человека в обществе, поиск путей совершенствования мира. В произведении изображается общая структура тоталитарного государства, которую гениально предугадал художник. Во главе тоталитарного государства стоит вождь (в романе - Благодетель), концентрирующий в своих руках огромную власть. Ему подчинены все государственные структуры, а также репрессивный аппарат (в произведении - Бюро Хранителей, Машина Благодетеля, Газовый Колокол). Государство опирается на соответствующую идеологию, создающую миф о якобы счастливом обществе и оправдывающую целесообразность насилия (Институт Государственных Постов и Писателей, живая пресса Единого Государства и т.п.). В основании пирамиды насилия лежит рабская покорность людей, которых постоянно держат в страхе и неведении.

Неограниченная власть находит свое художественное воплощение в образе Благодетеля. Этот гротескный образ, тесно связанный с легендой о Великом инквизиторе Достоевского, олицет-

воряет собой тиранию, ставшую необходимым признаком тоталитаризма.

Главная особенность изображенного в романе Единого Государства - это несвобода. Автор показывает, что несвобода (техническая или социальная) может привести только к одному результату - к обезличиванию человека. Отсюда люди будущего предстают в произведении единой массой, толпой, движущейся в едином потоке. Большое внимание в работе уделено гротеску как важнейшему средству изображения процесса нивелирования личности, духовной деформации общества. Жители Единого Государства показаны не как личности, а как марионетки, которые духовно мертвы. В романе полностью отсутствуют имена, жители называются просто номерами. Замятин отказывается от развернутых портретных характеристик. Излюбленное средство авторской характеристики номеров - метонимия (замена одушевленного предмета или его части деталью из неживого мира).

Художественное пространство и время также способствуют созданию облика мира насилия, где сдвинуты не только географические, но и нравственные плоскости. Единое Государство - замкнутая система, противопоставленная миру свободы и природы за Зеленой Стеной. Настоящее Единого Государства (XXX век) страшно по отношению пусть к далеко не совершенному, но все же нерегламентированному прошлому (древней истории XX века), однако будущее предстает еще более трагическим.

Столкновение мифа и антимифа - существенная черта всякой антиутопии. Показать это столкновение, а значит, вскрыть абсурд системы насилия Замятину помогает фантастика, выполняющая в произведении функцию обличения современной писателю реальности, а также прогнозирования будущего.

Центральный конфликт романа "Мы" как антиутопии - конфликт человека и государства. В этой связи особое значение в произведении приобретает нравственно-психологический аспект. Роман построен в форме записок одного из жителей фантастического общества (Д-503), который на себе испытывает воздействие насилия, переживает его как личную трагедию. Сказовая форма отражает этапы развития конфликта, изменения во внутреннем мире главного героя: единогласие - любовь Д-503 к I-330 - раздвоение сознания - борьба рационального и человеческого - рождение души - становление личности - стремление к свободе.

протест против Единого Государства (получающий и внешнее выражение на празднике единогласия и в захвате Интеграла) - операция на мозге, утрата обретенной души и памяти и вновь чувство единогласия.

Ю.Полозков отмечает, что Замятин, "стправляя послание в будущее, обращается к жителям внеземных цивилизаций, а не к землянам", "подобное пространственно-временное бытование героя взводит его в сюрреалистическую действительность"¹. По мнению диссертанта, все проблемы произведения не за пределами Земли, а на Земле - в реальном бытии человечества.

В своем произведении Замятин сталкивает две философии, два мировоззрения: с одной стороны, это идеология Единого Государства, основанного на рабстве и насилии, а с другой стороны - стремление к свободе, к миру духовных и природных начал, нашедшее выражение в образах Д-503, I-330, O-90, а также в борьбе подпольной организации "Мефи". Хотя попытка вырваться за пределы Единого Государства не удалась героям и их судьба складывается трагически, в романе показано торжество любви, человечности, неистребимости жизни вопреки насилию и смерти. В лучших традициях русской классики Замятин ищет выход из создавшегося тупика в душе личности, утверждая, что если душа останется живой и человеческой, то даже в условиях тоталитаризма у мира остается шанс на спасение.

В романе "Мы" использован необычный тип повествования - синтетический, на стилевом и языковом уровнях отражающий абсурдность идеи построения счастливого общества за счет человеческой личности. Мысль о синтезировании реализма и модернизма, нашедшая свое воплощение в замятинской теории неореализма, соответствовала необходимости поисков новых путей искусства, раскрывающих катастрофический характер переживаемого времени. В работе подробно рассматриваются особенности синтетического метода писателя, отразившиеся в его антиутопии (глобальность форм художественного мира, синтез фантастики с бытом, символичность, лаконизм и особый динамизм фразы, интегральное сме-

---

¹Полозков Ю. Антиутопия как культурологическая модель антитоталитаризма // Творческое наследие Е.Замятина: взгляд из сегодня. Сб. науч. докл., статей, тезисов.- Тамбов, 1994.- С.216.

шение планов, гротеск, "вешная" деталь и др.). В диссертационной работе роман Замятина "Мы" сравнивается с антиутопиями О.Хаксли, Дж.Оруэлла и др., что позволяет оценить вклад писателя в развитие рассматриваемого жанра.

В разделе 2.2 "От утопии к антиутопии. "Чевенгур" и "Котлован" А.Платонова" исследуется проблематика антиутопий писателя, способы отражения трагедии личности и общества в романе "Чевенгур" (1926-1929) и повести "Котлован" (1929-1930), определяются особенности авторского метода и значение художественных прогнозов писателя.

По мнению автора диссертации, Платонов в своей эволюции прошел путь, параллельный истории всего общества, - от утопии к антиутопии. Увлеченный идеями революции, он постепенно освобождался от иллюзий и становился в оппозицию к существующему строю. В романе "Чевенгур" и повести "Котлован" художник показал великую веру людей в утопическую идею коммунизма, но вместе с тем он раскрыл и глубокую трагедию этой веры. В своих произведениях писатель отразил процесс социально-духовного отчуждения 1920-1930-х годов в контексте вечных вопросов бытия.

В антиутопиях "Чевенгур" и "Котлован" выделяются два круга проблем: социально-исторические, связанные с переходной действительностью (борьба за новое общество, человек и революция, личность и масса, коллективизация, бюрократизм и т.д.), и нравственно-философские, выводящие произведения Платонова за рамки злободневной реальности (свобода и насилие, личность и государство, способы достижения социального идеала, духовная реализация человека, смысл жизни и др.).

Характерной особенностью творческого метода художника является соединение конкретного и обобщенного планов: жизнь частного человека он разворачивает до уровня социального, вселенского бытия. Срединая традиции антиутопии и жанра русских произведений-путешествий, Платонов отправляет своих героев в путь по стране, чтобы описать состояние личности в условиях нового общества и само это новое общество. В "Чевенгуре" и "Котловане" предстает образ антимира, антигосударства, ненормального, абсурдного по своей сущности, с алогичными законами, противоречащими принципам гуманизма. Писатель показал, как мучительно внедрялись в народную жизнь всевозможные теории социальных преобразований, как в обществе проводились жестокие ис-

торические эксперименты. Причем, если в "Чевенгуре", несмотря на драматизм событий, все-таки основным фоном романа становится едва начавшийся расцвет зпа, ощущается открытость пространства и времени, то в "Котловане" никаких надежд на лучшее будущее уже нет - общество зашло в тупик. Обличительный пафос антиутопии Платонова был направлен на формирующуюся систему насилия, уничтожающую благородные идеи и человеческое в душе человека.

Писателю было важно дать обобщенный образ действительности, отразить, как реализуется или может реализоваться идея социализма "в мире" и "в людях". Платонов учитывает не только реальность, но и ее потенциальные возможности. В его антиутопиях дано многообразие художественных моделей (Чевенгур, ревзаводедик, социализм Достоевского, Оргдвор, котлован и др.), которые позволяют писателю, с одной стороны, воссоздать сложный образ современной ему действительности, а с другой - смоделировать, спрогнозировать дальнейшее развитие общества, предупредить его от опасных ошибок и заблуждений.

"Чевенгур" и "Котлован" представляют собой трагические антиутопии настоящего и будущего, запечатлевшие внедрение насилия во все сферы жизни человека и деформацию сознания личности. Дисгармоничный художественный мир, где умирают люди и заготавливаются впрок гробы, является отражением всеобщей дисгармонии, разрушения общества, утратившего нравственные ориентиры. Центральными мотивами антиутопий Платонова являются мотивы смерти, одиночества, беспечности существования, столкновения человеческого естества с социальным абсурдом. Разнообразные средства психологизма помогают художнику представить целую галерею персонажей, в сознании которых произошли духовные деформации (бюрократы, приспособленцы, "невыясненные", "беспечные мученики" и т.д.). Возможности гротеска позволяют показать нивелирование личности, трансформации, затронувшие внешний и внутренний мир человека. Особую роль в изображении процесса отчуждения играет символика.

Описывая трагедию народа, Платонов, по выражению И. Бродского, "обнаруживает туликовую философию в своем языке". Прием семантической противоположности, изменение синтаксических отношений между словами и предложениями, смешение разнородных стилей способствует отражению всеобщего абсурда.

Но вместе с тем писатель пытается найти пути выхода из исторического тупика. Он верит в человека, в духовные силы народа, который сможет преодолеть насилие и обрести потерянные идеалы. Посреди тоталитарной заорганизованности, неистовых революционеров и государственных бюрократов главные герои антиутопий - Дванов и Водев - остаются правдоискателями, философами вопреки всему. Они остро чувствуют распространившуюся кругом несправедливость и, несмотря на классовые распри и идеологическую пропаганду, сохраняют в своей душе инстинктивные начала добра, сострадания, а главное - истинно человеческую жажду истины. Таким образом, изменение мира писатель связывает с изменением личности. В его антиутопиях выражена идея преобразования общества на гуманистических началах.

В разделе 2.3. "Настоящее и будущее в антиутопиях М. Булгакова" повести "Дьяволиада" (1924), "Роковые яйца" (1924), "Собачье сердце" (1925), пьеса "Багровый остров" (1927) и роман "Мастер и Маргарита" (1928-1940) рассматриваются как разновидности жанра антиутопии.

Несмотря на признание антиутопического характера названных произведений, в отечественной и зарубежной науке не было уделено должного внимания жанру антиутопии в творчестве писателя. В этой связи представляется актуальным рассмотреть произведения Булгакова сквозь призму жанра антиутопии, поскольку этот жанр, аккумулируя в себе важнейшие социально-философские проблемы, помогает заглянуть в глубину художественного мира писателя, понять особенности его метода. Опираясь на некоторые суждения таких исследователей, как Б. Соколов, В. Лакшин, В. Петелин, А. Вудис, А. Кораблев и др., в работе сделана попытка осуществить целостный анализ произведений в свете единого подхода.

В антиутопиях писателя выражен протест против тоталитарной системы, сформированной в советский период, и против насилия вообще. Центральными темами произведений художника являются: тема рока, тяготеющего над судьбой мира, тема всеобщего абсурда жизни, тема трагедии личности и народа, оказавшихся в условиях насилия, тема утраченной духовной свободы и необходимости возвращения к отвергнутым нравственным ценностям, тема столкновения разумных представлений о жизни с ненормальным ходом действительности и др.

Личность в художественном мире Булгакова попадает под воздействие роковых сил, которые воплощаются в произведении с помощью особых средств символики и фантастики (серое с черными дырами, поход гигантских пресмыкающихся, приход дьявола на землю и т.п.). Человек оказывается включенным в абсурдный социальный процесс, тяжело переживающим противоестественность происходящего.

Антиутопии писателя строятся по принципу дуплановости. Конкретный план (бытовая история с фантастическим приключением) позволяет писателю делать глубокие социально-философские обобщения. О человеке и его проблемах Булгаков говорит не столько в злободневном, сколько в глобальном, философском смысле. Действие антиутопий не ограничивается границами России, оно охватывает и весь земной мир, и всю вселенную, и мир вечных идей.

В работе рассматриваются разнообразные средства комического (пародия, гротеск, ирония и др.), которые помогают художнику показать порочный характер формирующейся государственной системы и ее основной признак - обезличивание человека.

Прогнозирующий характер антиутопий Булгакова стал источником комедийности, а комическое, в свою очередь, играет главную роль в изображении не только реального, но и прогнозируемого мира. При этом комическое помогает обнаружить трагическую сторону действительности.

С.Фуссо¹ и К.Райдел² относят повести "Роковые яйца" и "Собачье сердце" к научно-фантастической литературе. По мнению автора диссертации, хотя эти произведения и включают элементы научной фантастики, они не могут быть отнесены к данному жанру. Возможности научной фантастики усиливают обличительный пафос антиутопий.

Описание научных экспериментов Персикова и Пресбраженского позволяет Булгакову говорить не только о проблемах науки, но и о проблемах исторического развития общества и человека.

Характерной особенностью творческой манеры писателя явля-

---

¹Фуссо С. "Собачье сердце" - неуспех превращения // Литературное обозрение. - 1991. - N 5.

²Rydell C. Bulgakov and H.E.Wells // Russian Literature Triquarterly. - 1978. - N 5.

ется изображение от частного к общему: от частной истории, отдельного эпизода - к масштабному художественному обобщению. Трагические судьбы Короткова, Персикова, Ивана Бездомного, мастера и других героев свидетельствуют не о частной трагедии, а о трагичности бытия вообще, об утрате нравственных идеалов в обществе.

Антиутопии Булгакова отличает также быстрая смена пространственно-временных планов, совмещение видимой и невидимой сторон действительности, повышенная ассоциативность, наличие элементов драматизации прозы. Кроме того, в булгаковских произведениях находит развитие чисто русская черта антиутопии - взгляд изнутри. Глубокий психологизм позволяет художнику раскрыть драматический конфликт человека и системы, отразить трагедию личности в условиях насилия.

Но при этом нельзя однозначно утверждать, что человек в булгаковских произведениях отстывает перед силой государства, как отмечает, например, Г. Лесскис по поводу несостоятельности мастера как трагического героя, поскольку "в нем не достало той духовной силы, которую обнаруживает Иешуа на кресте"¹. Проведенное в работе исследование показало, что при всем критическом пафосе антиутопии Булгакова отличаются безграничной верой в человека, в возможность возрождения его гуманистической сущности, что, по мнению писателя, станет залогом духовного возрождения общества. Темы любви и творчества, развивающиеся в произведениях, противостоят той пошлой и абсурдной жизни, которую обличал художник. Обращаясь в своих антиутопиях к христианским сюжетам и образам, к мотивам русской и мировой духовной культуры, Булгаков призывает к восстановлению забытых гуманистических ценностей. В эпоху тотального насилия писатель выступил с идеей приоритета человеческой личности, человеческих чувств, человеческой судьбы, что было необычайно смелым шагом в 20-40-е годы, поистине гражданским подвигом художника.

В третьей главе "Тоталитарное общество в антиутопиях 1960-1990-х годов" рассматривается динамика русской антиутопии во второй половине XX века, выявляются новые тенденции жанра

---

¹Лесскис Г. Последний роман Булгакова // Булгаков М. А. Собрание сочинений в 5 т. - М.: Художественная литература, 1990. - Т. 5. - С. 623.

на примере произведений Ю. Даниэля, В. Аксенова, В. Войновича, а также антиутопий последних лет.

Если русская антиутопия первой половины XX века раскрывала незавершенный процесс социальных изменений, то во второй половине XX века появилась возможность осмыслить некоторые исторические результаты, поскольку отчетливо обнаружился кризис тоталитарной системы в СССР. Апелляция к прошлому позволяла по-новому оценить настоящее и определить грядущие перспективы общества.

Третья глава состоит из четырех разделов. В разделе 3.1. "Повесть Ю. Даниэля "Говорит Москва". Проблемы духовной деградации личности в условиях тоталитарной системы" проводится анализ антиутопии писателя на тематическом, композиционном и образном уровнях.

Действие повести Даниэля "Говорит Москва" (1961) происходит в 1960 г. Автор точно указывает дату, чтобы читатель мог соотнести описанные события с историческими реалиями того времени. Уже был развенчан культ личности Сталина, произошли некоторые позитивные изменения в обществе, но в конце 1950-х - начале 1960-х годов страна переживала крушение надежд на хрущевскую "оттепель". Главная мысль антиутопии Даниэля состоит в том, что смена власти не привела к разрушению системы насилия в обществе, поэтому тема критики административно-казарменной системы и влияния насилия на человека является ведущей в его произведении.

Даниэль расширяет возможности жанра антиутопии в изображении государственной системы. Здесь уже нет традиционного для антиутопий первой половины XX века образа Благотетеля или Старшего Врата (Земятин, Хаксли, Оруэлл), нет описания бюрократической машины или социальных институтов, регламентирующих отношения в обществе. Государственная система отчуждается от жизни людей и их интересов. Громкоговорители, правительственные указы, сообщения в газетах - символы существующего насилия, знаки другой, чуждой нормальной человеческой жизни, реальности. Повесть построена на основе фантастического приема объявления Дня открытых убийств, официально узаконенного Верховным Советом СССР, но этот прием наполняется вполне реальным содержанием: в исторической действительности XX века главным условием укрепления тоталитаризма было насилие - физическое,

политическое, духовное, экономическое.

Писатель изображает тоталитаризм не как абстрактную форму государственной власти, а прежде всего как явление, имеющее прочные корни в человеческой психологии, в сознании людей. Отношение к Дню открытых убийств, т.е. к насилию вообще (и к социальному, и к индивидуальному), становится критерием оценки отдельных персонажей и всего общества в целом. Главный герой произведения Анатолий Карцев видит, что тоталитаризм прочно живет в человеческом сознании. Карцев воспринимает объявление о Дне открытых убийств как нечто абсурдное, сверхъестественное, но он с ужасом наблюдает, как большинство отнеслось к этому вполне нормально и буднично. Эта будничность восприятия насилия в общественном сознании определяет особый трагизм повести. Духовная деградация людей, рабская покорность, способность приспособляться к самому жестокому насилию становятся, по мнению Даниэля, условиями существования тоталитаризма.

Традиционный для антиутопии конфликт личности с государством усложняется. В повести присутствует не только столкновение человека с системой. Герой противопоставлен также массе, толпе, которая является опорой обществу насилия. Но вместе с тем в произведении раскрывается и конфликт человека с самим собой в борьбе за человеческое в нем. Ретроспективная композиция, построение повествования в форме записок главного героя дает возможность автору показать сложную внутреннюю борьбу в душе Карцева, этапы развития психологического конфликта. В финале повести Карцев словно возвращается к самому себе, к людям, к своей стране. Он не отгораживается от исторического прошлого, полон решимости найти гуманистические пути развития мира, ощущая причастность к судьбе своего народа. Не убить ближнего, не смириться с насилием, спасти в себе человеческое - к таким идеям призывает в своей антиутопии Даниэль.

Значение повести состоит в том, что автор раскрыл пороки административно-казарменной системы, выдававшейся советскими идеологами за развитое социалистическое общество. В 60-е годы Даниэль один из первых нарушил традицию "раскаяний" и "признаний", которая утверждалась в официальной литературе, позволяющей переложить всю вину на Сталина и его правительство. Критический пафос антиутопии "Говорит Москва" направлен на обличение бесчеловечной государственной системы, а также на конфор-

мизм, ставший нестемлемой частью общественного сознания. В своей повести Даниэль вступил в борьбу за человека, за возрождение его нравственности, поставил вопрос о личной ответственности каждого за происходящее. Реализм писателя, основанный на фантастическом допущении и гротеске, раскрывает правду о человеке и обществе и резко противопоставлен произведениям-идеологемам официального метода социалистического реализма. Антиутопия "Говорит Москва" в шестидесятые годы стала актом духовного сопротивления и независимости, но она сохраняет свою актуальность и сегодня, поскольку в ней художник призывает к восстановлению человечности, людского единства и гуманистических ценностей в мире.

В диссертации рассматриваются особенности гротеска, который играет важную роль в повести "Говорит Москва". По выражению М.Бахтина, "в гротеске... то, что было для нас своим, родным, близким, внезапно становится чужим, враждебным"¹. У Даниэля гротескный мир - главное средство обличения абсурдной социальной системы и духовной трансформации общества. Гротескное пространство в повести предстает уже несколько в ином плане, чем в антиутопиях первой половины XX века. Это мир не далекого будущего, а трагического настоящего, которое объединяет и опыт прошлого, и художественный прогноз.

В разделе 3.2. Исследование социальных альтернатив в романе В.Аксенова "Остров Крым" анализируются особенности жанровой структуры антиутопии, своеобразие авторской концепции мира и человека, роль фантастики в художественном прогнозировании общественных процессов.

Роман "Остров Крым" (1977-1979) является смелой попыткой борьбы с застоем в условиях застоя, однако произведение выходит за пределы зловещего звучания. Аксенов стремится найти иные, отличные от сложившихся, варианты общественного развития, альтернативы тоталитаризму, новые социальные возможности для человека.

"Остров Крым" не вписывается в привычные рамки антиутопии. Здесь тесно переплетаются утопия и антиутопия, реальность и фантастика, возможность и действительность. Роман основан на

¹Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. - М.: Наука, 1965. - С.55.

литературном приеме допущения - географического, исторического, художественного. В целом прием допущения характерен для антиутопии, но Аксенов вносит в него нечто новое. Если Замятин, Платонов, Булгаков проецировали социально-исторические тенденции в будущее, то Аксенов как бы изменяет сам ход истории, показывая, что могло бы быть, если бы жизнь страны складывалась не так, как она сложилась после революции. Это помогает писателю воссоздать сложный и противоречивый облик эпохи второй половины XX века, подвергнуть испытанию на нравственность разные типы государственного устройства, исследовать перипетии развития истории, духовного сознания общества и спрогнозировать будущее.

В антиутопии представлено многообразие художественных моделей социума: Остров Крым - процветающее государство западного типа, но в котором живут русские, спасшиеся от большевизма; материк развитого социализма эпохи позднего застоя - СССР; западные страны - США, Франция, Англия и др. События в романе совершаются в разных измерениях - реальных и фантастических, что позволяет художнику поставить вопросы социально-исторического и общечеловеческого порядка: личность и история, миф и массовое сознание, коммунистическая идея и способы ее реализации, свобода и насилие, личность и власть, способы противостояния тоталитаризму, принципы устройства демократического государства и др.

Сдвинутость пространственно-временных планов способствует отражению дисгармоничности действительности, нарушения социальных и духовных связей между людьми. Мир семейный (на примере семьи Лучниковых) и мир ранее единого для всех Отечества предстает в произведении как мир расколотый, мир развединенный. И причиной этому, по мнению писателя, является не какое-то одно событие - революция, или гражданская война, или сталинизм и т.д., а нечто большее: нарушение исторической и духовной эволюции общества и деформации, затронувшие вместе с социальной сферой национальный характер.

Средствами гротеска и фантастики Аксенов показывает опасность административно-казарменной системы не только для страны, где она существует, но и для всей человеческой цивилизации. Вымышленный эпизод захвата Острова Крым советскими войсками через 70 лет после революции является не только символичес-

ческим отражением прошлого, но и предупреждением настоящему и будущему об опасности новых гражданских войн. История могла бы развиваться иначе, но логика тоталитаризма неумолима: пока существует насилие, предупреждает писатель, оно неизбежно будет вторгаться в жизнь людей и рано или поздно приведет к трагическому результату.

Писатель раскрывает душевные переживания представителей разных социальных слоев: бывших белогвардейцев, "маленьких" советских людей, русских эмигрантов и др. Особо следует сказать о том, что Аксенов впервые в жанре антиутопии вводит образ представителя партийно-государственной номенклатуры (Кузенков). Через изображение духовных деформаций и нравственного кризиса в душе представителя элиты писатель обнажает сущность административно-казарменной системы, раскрывает ее бесчеловечный характер и историческую обреченность.

Антиутопия Аксенова отличается полифонизмом в том смысле, что в романе представлены разнообразные точки зрения на историю, принципы социального устройства, судьбу человека и общества, художник развивает лучшие традиции русской классики, побуждая читателя сделать осмысленный выбор в отношении собственной позиции.

Центральным конфликтом романа является конфликт между свободой и тоталитаризмом, который переносится в сферу психологическую. Исследуя изменения, происшедшие в народном сознании, Аксенов утверждает внутреннюю свободу личности, которая определяет наличие свободы в государстве.

Одним из основных направлений своего творчества писатель назвал изображение "неуклюжей, хоть и героической борьбы "одинокого героя" с мягкой, удушающей машиной послесталинского государства", а "вытеснение героя в эмиграцию - неважно, внутреннюю или внешнюю, - стало естественным результатом этой борьбы". Вначале главному герою "Острова Крым" Андрею Лучникову казалось, что прорыв сквозь стенки насилия, уход в творчество или отъезд в более спокойный и благополучный мир спасет его личность, но вскоре он понял, что человек, даже будучи независимым, не может быть человеком без памяти, без духовных и исторических корней, без отечества. Единственно возможный выход, который видит Андрей для себя, для людей, для страны, - это Идея Общей Судьбы, воссоединение процветающего Острова с

далеко не процветающим материком Советского Союза. И даже после трагического покорения Крыма Лучников не отказывается от этой идеи, потому что под Идеей Общей Судьбы он и его "однокурсники" понимают не географическое объединение и не союз или компромисс с тоталитаризмом, а восстановление духовного единства народа, столь необходимое для борьбы с насилием. Идея объединения имеет не национальный, а социальный смысл. Писатель призывает к восстановлению нормальных человеческих отношений в обществе, к мирному сосуществованию различных регионов, наций, социальных систем. В этом заключается высокий гуманистический пафос Идеи Общей Судьбы, выраженной в произведении.

В работе подчеркивается, что Аксенов в своей антиутопии предупреждает об опасности увлечения новыми абстрактными теориями, не учитывающими интересы отдельного человека. Путь к нормальной жизни, по мысли художника, - в полном отказе от утопического сознания, в разрыве с утопически-мессианской идеологией, направленной то ли в "светлое коммунистическое будущее", то ли в идиллическое "национал-прошлое", то ли в иные "заоблачные дали". Идея Общей Судьбы, по мнению писателя, будет иметь смысл только тогда, когда люди, стремясь избавиться от насилия, не забудут общую историю, осознают необходимость общей судьбы и общего восстановления разрушенных духовных и социальных связей в мире.

Среди исследователей нет единого мнения по поводу трактовки романа. Одни считают, что описание вторжения советских войск демонстрирует "фаталистический взгляд" писателя (Л. Свиридова, А. Немзер и др.). Другие расценивают происшедшие на Острове события как стечение обстоятельств, некую случайность, которой могло и не быть, если бы Андрей Лучников и Союз Общей Судьбы не вмешались в исторический процесс (Т. Кравченко). Третьи указывают, что "автору было важно показать, что "большевистский миф" бессмертен, что просоветские иллюзии левых западных интеллектуалов неискоренимы и что доверчивость свободного мира в отношениях с тоталитарной державой ведет к катастрофе" (В. Малухин). По мнению диссертанта, содержание произведения гораздо глубже. Писатель призывает не отгораживаться от тоталитаризма и уж тем более не воспринимать его как некую фатальность, против которой нет никаких средств, а надо искать

способы сопротивления насилию, возможность воспрепятствовать неконтролируемому ходу трагических событий. В антиутопии Аксенова утверждается мысль о необходимости поиска гуманистических путей социального развития, о нравственном совершенствовании личности и общества, о восстановлении свободы и духовного единства.

В разделе 3.3 "Москва 2042" В.Войновича как роман-пародия" анализируется идейно-образная система антиутопии писателя, ядром которой является пародия.

В конце 70-х - начале 80-х годов коммунистическое будущее стало осознаваться тупиком, появилась насущная потребность осмыслить сущность общественной системы, получившей название социалистической, и ответить на вопрос, почему она вошла в противоречие с интересами человека. В романе "Москва 2042" Войнович исследует принципы советского государства, просуществовавшего несколько десятилетий и приведшего к трагедии народа, а также саму природу тоталитаризма, что обуславливает философский характер произведения.

В диссертации определяется формообразующий принцип произведения - принцип художественного моделирования идеи коммунизма. Главный герой романа Биталий Никитич Карцев пишет книгу о будущем своей страны, и результат его творчества существует на грани реальности. Игра воображения помогает Карцеву отстраниться от эмигрантского настоящего в МОСКОРЕП - первую в мире Московскую Коммунистическую Республику. Но реализация коммунистической утопии в произведении оказывается прямо противоположной прекрасной мечте, что переводит ее на уровень антиутопии.

Обличительная сила романа "Москва 2042" заключается не только в том, что автор представляет возможный негативный вариант коммунистической утопии, но и в том, что писатель показывает абсурдный процесс реализации идеи коммунизма, а также вскрывает сущность советской тоталитарной системы, прикрывающей насилие мифом о грядущем торжестве коммунизма. Таким образом, с одной стороны, роман "Москва 2042" основан на анализе исторического прошлого и современному художнику настоящего, а с другой стороны, он устремлен в будущее, за которое писатель испытывает глубокую тревогу.

Пародийный характер антиутопии Войновича проявляется на

всех уровнях текста и определяет движение конфликта. Пародия придает антиутопии историческую конкретность и способствует широкому, обобщенному пониманию образов и ситуаций. В работе детально исследуется пародия в сюжете и композиции, в образной системе, пространственно-временной структуре и в языке произведения. Описание жизни в Москве 2042 года является пародией на утопические представления и реальные процессы XX века, приведшие к уродливому, искаженному пониманию счастливого будущего и - как следствие - к нарушению естественного хода истории и жизни людей. На конкретном анализе различных видов пародии - бурлеска и травестии, а также ее форм (самопародия, языковая, литературная, описательная, идеологическая пародия) в работе показано, что смех у Войновича - главное средство развенчания тоталитарной системы, способ борьбы со страхом, с догмами советской идеологии. Пародия способствует созданию облика абсурдного мира, в котором личность обречена на несвободное и убогое существование. Тому, над чем смеется писатель, выносится суровый приговор, а человек, по мысли автора, должен усвоить прошлый исторический опыт и направить свои усилия на создание общества, прямо противоположного Москве 2042 года.

В целях развенчания ложных мифов истории и коммунистической идеологии, ставших прикрытием жестокому насилию, Войнович смело использует самые острые приемы из арсенала русской классики. В диссертации рассматриваются традиции и новаторство художника в области гротеска, символики, в использовании мотива подмены и т.д. Вместе с тем писатель активно применяет в своей антиутопии возможности современных литературных течений - постмодернизма и соц-арта, что позволяет ему вести актуальный разговор о состоянии личности и общества конца XX века.

Войнович определил свой роман как роман-анекдот. Это является новым и для жанра антиутопии, и для романа в целом. Повествование сплетено из цепи анекдотов (бытовых, исторических, семейных, политических и др.), которые помогают читателя посмеяться над теми, кто ему мешает жить, то есть сделать первый шаг к изменению себя и действительности.

Поставив в антиутопии "Москва 2042" важнейшие социальные и моральные проблемы, художник предупреждает будущее об опасности одной лишь мены политических знаков, о чем свидетельствует символический финал революции в МОСКОВЕПЕ, в результате

которой вместо Гениалиссимуса к власти приходит новый вождь - самодержец Всея Руси Сим Симыч Карнавалов. Художественный прогноз помогает Войновичу выразить надежду на то, что отечественная история в конце концов перестанет быть бесконечным карнавалом бездушных маршнотов, утопических лозунгов и разноцветных флагов, что будущая действительность окажется гораздо лучше той, которую он изобразил в романе. В антиутопии утверждается мысль о необходимости борьбы не только с коммунистической идеологией, но и с любой другой, основанной на насилии и противоречащей интересам человека.

Раздел 3.4 "Пути развития современной русской антиутопии" посвящен рассмотрению новых тенденций в жанре антиутопии на примере произведений Ф.Искандера, А.Кабакова, А.Курчаткина, Л.Петрушевской, В.Каплуна, В.Бабенко, Ю.Ковлова, М.Чулаки.

На рубеже 80-90-х годов XX века русская антиутопия получает новое направление, что связано с кардинальными изменениями в социальной и духовной жизни общества. Процессы перестройки, гласности, демократизации, национального самоопределения государств бывшего СССР дали новый толчок для осмысления общественного устройства и способов его преобразования. Тема критики социализма как тоталитарной системы в русской антиутопии оказалась фактически исчерпанной. Писатели, начиная от Замiatина, подвергли суровому анализу все основные аспекты тоталитарного государства, и сама история произнесла приговор административно-казарменной системе, подтвердив прозорливость прогнозов художников. Вместе с тем на современном этапе обнаружилось, что тяжесть тоталитарного наследия достаточно велика и в борьбе с административно-казарменной системой общество порой использует методы той же самой системы. Кроме того, следует отметить, что в ходе грандиозной перестройки мира рождается новая социальная утопия, связанная с искаженным пониманием свободы и демократии, с верой в то, что смена идеологий, исторических знаков и символов неминуемо приведет к созданию подлинно демократической цивилизации, где будут царить покой и благоденствие. Русская антиутопия вступает в новую стадию, разрушая очередные утопические иллюзии, стараясь предостеречь общество от нового исторического заблуждения. Этот поворотный пункт наблюдается и в общественном сознании, и в литературе как форме отражения общественного сознания.

Авторы современных антиутопий, показывая процессы крушения советской системы, вместе с тем подвергают критике негативные явления, ведущие к образованию новых форм насилия. Писателей тревожит то, что в постсоветских государствах растет социальная напряженность, политическая конфронтация, что идеи власти и денег все больше определяют жизнь общества. Не случайно действительность предстает в рассматриваемых произведениях трагической и дисгармоничной. Всеобщая ненависть и разрушение, гражданские войны и духовное разъединение людей, нравственная деградация личности и тупиковость бытия - вот те явления, которые характеризуют жизнь людей накануне XXI века. Намеренно оглушая краски, авторы стремятся предупредить будущее об опасном повороте, который приняли некоторые реальные события.

Критикуя очередные исторические эксперименты, современная антиутопия одновременно явилась и выражением пессимизма общественного сознания, разуверившегося в рецептах построения счастливого общества. Человек в антиутопиях последних лет попадает в ситуацию непредсказуемости, безверия, безысходности, он вынужден в трудных условиях совершать свой нравственный выбор и не всегда выдерживает проверку на человечность. Тем не менее писатели идут пути развития мира не в бегстве от него, а, наоборот, в обращении к нему, к его насущным проблемам, в усвоении обществом правды истории, в возрождении духовной судности личности.

Важнейшей особенностью поэтики современных антиутопий, как показал их анализ, является сказовый характер. Обычно повествование ведется от лица вымышленного рассказчика, трагически переживающего противоречия действительности. Часто это поток сознания - больного, искаженного, но все же человеческого.

Современные авторы используют не только традиционные формы антиутопии - повесть и роман, но и формы рассказа, очерка, сказки. Фантастическое сочетается с хроникальностью, подчеркнутым документализмом. Трагическое в современных произведениях рассматриваемого жанра преобладает над комическим, потому что сама жизнь оставляет мало поводов для смеха. И тем не менее сатирическое начало (аллегория, гротеск, карнавализация и т.п.) помогает писателям активно разоблачать пороки социальной

действительности.

Как показывает литературная практика, жанр антиутопии осваивают представители и других направлений, однако о значительных, стоявших результатах в этой области говорить преждевременно.

Анализ антиутопий последних лет позволяет сделать вывод о том, что русская антиутопия обретает новое качество и новые формы: Она стоит на пороге создания новых жанровых модификаций и продолжает поиск путей совершенствования общественного устройства и души человека.

Диссертация завершается заключением, в котором подведены итоги исследования, сформулированы общие выводы об истории развития, типологических особенностях, месте и значении антиутопии в русской литературе XX века. Прежде всего следует отметить, что антиутопия как литературный жанр - это феномен XX века. Бурное развитие жанра в русской литературе данного периода объясняется тем, что XX век проходит под знаком реализации утопических идей о построении социалистического общества. Антиутопия в русской литературе развивается, с одной стороны, как антитеза утопическому сознанию, а с другой - как протест против сложившейся системы насилия, оправдываемой социальными мифами.

В русской литературе критика социализма, проявившегося в чудовищных формах насилия, началась с первых дней после Октябрьской революции. В творчестве Замятина, Платонова, Булгакова и других писателей нашли отражение процессы отчуждения, затронувшие все сферы общественной жизни и психологию человека.

Второй важный вывод состоит в том, что именно русская литература дала наиболее яркие образцы антиутопии и оказала большое влияние на развитие этого жанра в мировой литературе. Расцвет антиутопии на русской почве обусловлен прежде всего тем, что исторический эксперимент построения идеального общества начал практически осуществляться в России. Именно в силу сложившихся социально-исторических обстоятельств русская антиутопия, возникшая на реальной основе строящегося социализма, приобретает определяющее значение в мировой литературе. Вслед за Замятым, Платоновым, Булгаковым такие западные писатели, как Чапек, Хаксли, Оруэлл, Кестлер и др., обращаются к художественному исследованию системы насилия и ее влияния на

судьбу человека и всей человеческой цивилизации, опираясь в своих произведениях на творческий опыт русских писателей.

Русская антиутопия первой половины XX века явилась не только правдивым отражением трагической эпохи, но и, как подтвердила история, весьма точным предсказанием будущего. Исследуя принципы устройства нового общественного строя, писатели открыто выражали протест против бесправного положения личности. По мере дальнейшего движения истории так называемое социалистическое общество раскрывало свою античеловеческую сущность, становилось все более тоталитарным. В этой связи критика антигуманной системы нарастала, что дало новый толчок развитию антиутопии. Подвергая критике самые различные аспекты жизни общества - экономику, политику, мораль, государственную систему, - антиутопия приобретает социальную остроту и обличительный пафос.

Одной из центральных проблем антиутопии становится проблема духовной деградации личности в условиях тоталитаризма. Развивая традиции философско-психологического направления русской классической литературы, авторы русских антиутопий внесли большой вклад в исследование психологии человека XX века, отразили изменения, происшедшие в сфере общественного сознания, показали зависимость между духовным состоянием личности и состоянием мира в целом, вида в человеке и причину непоправимых исторических ошибок, и вместе с тем залог предотвращения трагедии.

Новый поворот в развитии жанра антиутопии приходится на закат советского тоталитарного государства, когда его пороки стали совершенно очевидны. В произведениях Даниэля, Аксенова, Войновича и других писателей подвергаются анализу общественные процессы периода "оттепели" и "застоя", разоблачается порочный характер советской системы, основанной на монополюсной власти партийно-государственной элиты и общем бесправии народа, показана опасность насильственного внедрения коммунистической идеологии для всего человечества.

На рубеже XX-XXI веков жанр антиутопии в русской литературе получает новое направление. Авторы антиутопий последнего времени обращают свое внимание на формирование новых утопических идей и форм насилия, которые грозят обернуться очередным нелегким испытанием для общества, переживающего переход от то-

талитаризма к демократии. В современной русской антиутопии выражены пессимизм и безверие общественного сознания в эпоху крушения сложившихся систем и идеологий.

Творческий опыт русской литературы в жанре антиутопии оказался настолько богатым, что позволяет в значительной степени прояснить некоторые дискуссионные теоретические вопросы, связанные с типологией жанра.

Диссертант стремился доказать, что антиутопия по своей жанровой природе родственна утопии. Это жанры-спутники как по своей идейно-содержательной установке - осмысление настоящего и предсказание будущего, - так и по структурно-образной системе. Утопия и антиутопия имеют много общего в своем генезисе, проблематике, тенденции к художественному моделированию и прогнозированию, но вместе с тем эти жанры различаются характером заложенных в них конфликтов, авторским отношением к изображаемой действительности. Если для утопии характерен утверждающий пафос, то для антиутопии является определяющим отрицающий пафос. Именно этим обусловлено, в первую очередь, своеобразие поэтики антиутопии, широкое использование разновидностей сатирического пафоса - комизма, иронии, сарказма. Авторы русских антиутопий активно применяют пародию, гротеск, синтез комического и трагического.

Устанавливая общие, типологические черты русской антиутопии, нельзя не отметить удивительное жанрово-стилевое разнообразие произведений этого рода. Русская антиутопия XX века развивается в рамках эпических жанров (роман, повесть, рассказ, сказка, очерк) и драматических (комедия), однако в них ярко выражено лирическое начало, что связано с особой авторской позицией, с раскрытием чувств и переживаний личности.

Если взять за основу классификации своеобразие фантастики, которая является основным средством отрицания утопической мечты, абсурдной действительности и доминантой поэтики антиутопии, то можно условно выделить такие разновидности рассматриваемого жанра: социально-фантастическая антиутопия ("Мы" Е.Замятина, "Мастер и Маргарита" М.Булгакова, "Чевенгур" и "Котлован" А.Платонова); научно-фантастическая антиутопия ("Роковые яйца" М.Булгакова); антиутопия-аллегория ("Собаачье сердце" М.Булгакова, "Кролики и удавы" Ф.Искандера); историко-фантастическая антиутопия ("Остров Крым" В.Аксенова, "Реле-

тиция в пятницу" А.Гладилина); антиутопия-пародия ("Москва 2042" В.Войновича). Разумеется, данная классификация довольно условна, поскольку в рамках одного произведения зачастую обнаруживаются элементы и научной фантастики, и аллегии, и пародии и т.д. И тем не менее указанные виды антиутопии, несмотря на их очевидную условность, позволяют выявить некоторые тенденции в развитии жанра, которые, возможно, станут более устойчивыми и приведут к образованию новых жанровых разновидностей в дальнейшем.

В центре русской антиутопии поставлен конфликт человека и тоталитарной системы, раскрывающий трагическое положение личности, оказавшейся в плену идеологических иллюзий. Изображение мира дано как бы изнутри, через мысли и чувства личности, заматой драматическим противоречием между социальным мифом и реальностью. Русская антиутопия тесно связана с действительностью, с историей советского и постсоветского общества. Вместе с тем писатели ищут ответы на важнейшие философские вопросы, поставленные эпохой: о путях гуманистического преобразования мира, о роли народа и личности в истории, о природе тоталитаризма и его влиянии на человека, о целесообразности насилия во имя реализации идеала. В русских антиутопиях речь идет о проблемах не только российских, но и общечеловеческих, решение которых крайне важно для развития всей мировой цивилизации.

Постоянная апелляция к мотивам и образам мировой духовной культуры позволяет писателям говорить о человеке и обществе в широком историческом, культурном и философском смысле. В работе показано, что, опираясь на достижения русской и мировой классики, художники вместе с тем используют и применяют возможности новых литературных течений - постмодернизма и соц-арта.

На пороге XXI века русская антиутопия вступает в новую стадию своего развития, предостерегая человечество от новых исторических заблуждений и продолжая поиск путей преобразования жизни на основе истинных гуманистических принципов.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Книги и брошюры

1. От утопии к антиутопии. О творчестве А.Платонова и М.Булгакова. - Полтава, 1994. - 209 с.
2. Ключи к воротам Чевенгура. - Киев: Знание, 1990. - 16 с.
3. Особенности сатиры А.Платонова 1920-1930-х годов. - Полтава: ПГПИ, 1993. - 26 с.
4. Художественная модель мира и человека в трилогии А.Платонова "Чевенгур", "Котлован", "Ювенильное море". - Полтава: ПГПИ, 1993. - 30 с.
5. Евгений Замятин и его роман "Мы". - Харьков: ХГПУ, 1995. - 63 с.
6. Современная антиутопия. - Харьков: ХГПУ, 1996. - 98 с.

Статьи и другие работы

7. Андрей Платонов - классик для современности // Jezyk Rosyjski: materialy nauk.-didakt. - Kalisz, 1989. - N 2. - С. 14-16.
8. Андрей Платонов // Jezyk Rosyjski. - 1990. - N 3. - С. 67-71 (в соавт.).
9. Філософсько-психологічна багатовимірність концепції особистості у творчості А.П.Платонова // Філософська і соціологічна думка. - 1992. - N 3. - С. 97-108 (у співавт.).
10. Художественная модель и стиль писателя в жанре утопии (А.Платонов и В.Винниченко) // Шляхи посилення ефективності практичного курсу української мови та виховання читачької майстерності: Матеріали міжвузівської науково-методичної конференції. - Одеса, 1992. - С.47-48.
11. Проблемы изучения повести А.Платонова "Ювенильное море" // Вопросы изучения литературы в вузе и школе: Сборник научно-методических статей. - Полтава: ПГПИ, 1993. - С. 149-161.
12. Художня модель світу і людини в жанрах утопії та антиутопії ХХ століття // Макаренківські читання. - Полтава: ПГПИ, 1993. - С. 78-79.

13. Языком сатиры о проблемах человека и общества (М.Булгаков "Дьяволиада") // Язык и культура: Материалы III международной конференции. Доклады. - Киев: Коллегиум, 1994. - С. 256-260.

14. Жанр антиутопии в русской литературе второй половины XIX века (Ю.Даниэль, В.Аксенов, В.Войнович) // Русская филология. Украинский вестник. - 1994. - N 3. - С.38-42.

15. О жанровых особенностях утопии и антиутопии // Филологический анализ. Теория, методика, практика. - Херсон, 1994. - С.62-69.

16. Дж.Оруэлл. "1984" як антиутопія // Вивчення світової літератури в школі. Випуск 4. - Полтава: ПДПІ, 1994. - С. 38-42.

17. Жанр антиутопии в русской литературе второй половины XIX века // Ученые записки Полтавского пединститута. Серия русской филологии. - Полтава: ПДПІ, 1994. - С. 85-100 (в соавт.).

18. "Исторически истинная мысль" в петербургских повестях Гоголя и в сатире Платонова // Никола Гоголь і світова культура: Матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 185-річчю з дня народження письменника. - Київ-Ніжин, 1994. - С. 175-183.

19. Христианский миф в повестях "Ночь перед рождеством" Н.Гоголя и "Собачье сердце" М.Булгакова // Гоголь и современность. - Киев: КГУ, 1994. - С. 85-89 (в соавт.).

20. В поисках смысла истории (Творчество А.Платонова в 11 классе) // Мировая литература в школе и вузе: Сборник статей. Випуск 1. - Харьков: ХПУ, 1994. - С. 14-20.

21. Концепция героя в русской антиутопии первой половины XIX века (Замятин, Платонов, Булгаков) // Труды молодых ученых. - Киев - Санкт-Петербург - Херсон, 1995. - Т. 1. - С. 79-85.

22. Роман Е.Замятина "Мы": антиутопия настоящего и будущего // Вивчення світової літератури в школі: Збірник науково-методичних матеріалів. Випуск 5. - Полтава: ПДПІ, 1995. - С. 32-39.

23. Традиції Е.Замятіна в романі-антиутопії С.Хакслі "Чудовий новий світ" // Вивчення світової літератури в школі: Збірник науково-методичних матеріалів. Випуск 5. - Київ - Полтава, 1995. - С. 44-48.

S U M M A R Y

NIROLENKO O.N. GENRE OF ANTI-UTOPIA IN RUSSIAN LITERATURE OF THE XXTH CENTURY. Thesis for a doctor's degree on speciality 10.01.02 - Russian literature. I.G.Shevchenko Institute of literature of National Academy of Sciences of Ukraine. Kiev, 1996.

This work includes the investigation of peculiarities of forming and developing of genre of anti-utopia in Russian literature of the XXth century. Having analysed anti-utopias in works of J.Zamyatin, A.Platonov, M.Bulgakov, Yu.Daniel, V.Aksyonov, V.Voynovich and other writers, the author retraces the typical tendencies in the development of Russian anti-utopia. She also makes an attempt to determine the typological features of this genre.

The creative originality of writers displayed in the art of representation of man and in artistic prediction of social occurrences is disclosed in this research. The significance of Russian anti-utopia for cognition of reality and for development of world literature is also shown in this work.

А Н О Т А Ц І Я

НИКОЛЕНКО О.М. ЖАНР АНТИУТОПІЇ В РОСІЙСЬКІЙ ЛІТЕРАТУРІ ХХ СТ. Дисертація на здобуття наукового ступеня доктора філологічних наук із спеціальності 10.01.02 - Російська література, Інститут літератури ім. Т.Г.Шевченка НАН України. Київ, 1996.

У роботі проведено дослідження особливостей формування та розвитку жанру антиутопії в російській літературі ХХ століття. Аналізуючи антиутопії Є.Замятіна, А.Платонова, М.Булгакова, Ю.Данієля, В.Аксьонова, В.Войновича та інших письменників, автор простежує характерні тенденції в розвитку російської антиутопії, робить спробу визначити типологічні риси цього жанру. Розкривається творча своєрідність письменників, яка проявляється в майстерності зображення людини та художньому прогнозуванні соціальних явищ. У роботі показано значення російської антиутопії для пізнання дійсності, а також для розвитку світової літератури.

Ключові слова: утопія, антиутопія, модель світу, художній прогноз.

Подписано к печати 3.07.96. Формат 60×84/16. Печать офсетная.
Усл.п.л. 2,0. Уч.-изд.л. 2,0. Тираж 100. Заказ № 2138.

314000, г.Полтава, ул.Котляревского, 38/40, типография издательства
"Полтава".

SUMMARY

SHCHERBA O.M. GENRE OF ANTI-UTOPIA IN RUSSIAN LITERATURE OF THE XXTH CENTURY. Thesis for a doctor's degree on speciality 10.01.02 - Russian literature. T.S.Shcherba Institute of literature of National Academy of Sciences of Ukraine. Kiev, 1999.

This work includes the investigation of peculiarities of forming and developing of genre of anti-utopia in Russian literature of the XXth century. Having analysed anti-utopias in works of J.Zasyadin, A.Pistunov, M.Bulgakov, Yu.Daniel, V.Aksentov, V.Kovalevich and other writers, the author retraces the typical tendencies in the development of Russian anti-utopia. She also makes an attempt to determine the typological features of this genre.

The creative originality of writers displayed in the art of representation of man and in artistic prediction of social occurrences is disclosed in this research. The significance of Russian anti-utopia for cognition of reality and for development of world literature is also shown in this work.

АННОТЦІЯ

ШЧЕРБА О.М. ЖАНР АНТИУТОПІЇ В РУСЬКІЙ ЛІТЕРАТУРІ XX Ц. Дисертація на здобуття наукового ступеня доктора філософії спеціальності 10.01.02 - Російська література. Інститут літератури НАН України. Київ, 1999.

У роботі здійснено дослідження особливостей формування та розвитку жанру антиутопії в російській літературі XX століття. Аналізуючи антиутопію С.Засядина, А.Пістунова, М.Булгакова, Ю.Данієля, В.Аксентова, В.Ковалевича та інших письменників, автор відслідковує типові тенденції в розвитку російської антиутопії. Також намагається визначити її типологічні риси. Творчість письменників, виявлена в мистецтві зображення людини та в художньому прогнозуванні соціальних процесів, розкрито в цій роботі. Значення російської антиутопії для пізнання дійсності та розвитку світової літератури також показано в цій роботі.

Полное наименование диссертации: ШЧЕРБА О.М. ЖАНР АНТИУТОПІЇ В РУСЬКІЙ ЛІТЕРАТУРІ XX Ц.
Київ, 1999.

42894

AB 35.345